

Стихи о Байкале

А что это такое?

А что это такое,
Такое голубое,
Холодное, как льдинка,
Прозрачно, как стекло?
Быть может, это небо
За сосны зацепилось,
По скалам покатилося
И на землю стекло?

А что это такое,
Такое золотое,
Блестящее, как зеркало,
Слепящее глаза?
Быть может, это солнце
Легло поспать под скалы,
Оно лежит устало,
Закрыв свои глаза?

А что это такое
Всё время в непокое,
Быть может, это туча
Застряла среди скал?
А это и не туча,
А это и не небо,
А это и не солнце,
А озеро Байкал!

Байкал стынет

Ой, налетела зима
белой гусыней,
и отморозили щеки
на ветру берега.
И холодеет Байкал,
стынет старик,
стынет,
и засыпают его
утренние снега.
Стужа клонит ко сну,
да в старости – плохо спится,
у январских ветров
косноязычна речь.
Все же летите, ветра,
да разыщите синицу,
может, она и вправду
сможет море поджечь?

Байкал

Лесистых гор полуовалы,
касание голубых лекал.
И скалы, срезанные валом,
и небо, павшее в Байкал,
и сам он – величав и вечен
в гранитной раме вырезной.
И весь – до донышка – просвечен,
и весь – до капельки – родной.
И Ангары полет строптивый,
и ветра крик, и гул турбин,
и птицы-сосны над обрывом,
и дикий ветер баргузин –
все это, без чего не в силах
быть далью даль и ширью ширь,
и ты немыслима, Россия,
и ты немыслима, Сибирь.

Байкальский тракт

Лучи процеживает лесок,
ложатся тени
наискосок,
попеременно –
свет, тень,
поочередно –
ночь, день.
Вся жизнь моя –
полосатый трап,
вся жизнь моя,
как байкальский тракт, -
вверх – вниз,
вверх – вниз,
всю жизнь,
всю жизнь!
А полосы, полосы на снегу!
По черным, как будто бы сквозь пургу,
по светлым, как будто бы через смех! –
вниз – вверх,
вниз – вверх...
Но там, вдалеке,
у конца моих дней
Байкал все видней,
все видней,
все видней!

Баргузин

Ударил на рассвете баргузин,
и сосны закачались от испуга,
и волны, ударяясь друг о друга,
как факелы, взметнулись из глубин.

Уже на небе проступила мгла,
но гребни продолжали так светиться,
что верилось: осенняя синица
крылом небрежным море подожгла.

Огонь багряный в Ангару впадал,
и, ударяясь в лопасти турбины,
по проводам легко и голубино
летел разбушевавшийся Байкал.

...Я лампу золотистую зажгу,
и, не мигая, загляжусь невольно,
и вдруг увижу: загорелись волны,
и сосны все дрожат на берегу.

Бухта Песчаная

За непрочною дымкой туманной,
от больших городов вдалеке,
повстречались мы в бухте Песчаной
и лежим на горячем песке.
Синебокая дышит прохлады,
за волной нагоняет волну,
и лежит голубая громада —
все семьсот километров в длину.
Сразу большое стало небольшим,
и любая невзгода — мала,
и гремит старый мыс Колокольный,
как старинные колокола.
И под крики смятенные чайк,
и в дрожанье лесных повилик,
нас с тобою небрежно венчает
круглый, божеский, солнечный лик.

* * *

Весь вечер сижу у Байкала
на теплой спине валуна...
Волна, что уже пробежала,
опять воспарила со дня.
Под ветром шершавым, восточным,
в студеной созрев глубине,
она же, такая же точно,
торопится резво ко мне.
О камень, в воинственном раже,
в жемчужины разнесена,
все та же, все та же, все та же
восходит и мчится волна.
И думаю я, удивляясь,
глазами следя волнобой:
о как бы, все время меняясь,
всегда оставаться собой?

Ветеран

Где Байкал крутые волны катит,
где прибой от пены бородат,
на причале спит рыбацкий катер –
демобилизированный солдат.

У него на палубе зеленой,
полинявшей от морской воды,
как на гимнастике от погон, –
от орудий темные следы.

Он в боях немало поработал,
и теперь ему не привыкать
на Байкале до седьмого пота
день-деньской с волнами воевать,

и с особой дружескою лаской
в знак его заслуг, трудов и ран
кто-то вывел бронзовою краской
на борту у носа: «Ветеран».

Голомянка

Голомянка – уникальная живородящая,
жирная до прозрачности рыбка,
живущая в Байкале. Никогда
не собирается в стаи.

Я к Байкалу иду спозаранку,
говорю я ему с улыбкой:
– Одари меня, море, рыбкой,
дай ты мне поймать голомянку.
Эта рыбка на вид невзрачна,
но зато она так прозрачна,
что к глазам поднесу поближе –
сквозь нее чудеса увижу.
Я мгновенным окину оком
все, что близко и что далеко,
все, что в дальней дали зыбится,
да не может никак забыться.
...Волны косят и косят камень,
ходят омули косяками,
что там просьбы и что – приманка! –
не плывет ко мне голомянка.
А Байкал все валы листает,
пригоняет мне рыбы стаи:
вот вам хариус,
вот вам омуль,
не пора направляться к дому ль?
Угасает моя улыбка:
где ты, где голомянка-рыбка?

По каким глубинным потокам
бродишь ты, как и я, одиноко?
Надо мною смеются люди,
но приду я опять спозаранку...
Ты не дай разувериться в чуде,
ты ко мне приплыви, голомянка.

Голуби Балатона

Меня на рассвете будят
дикие голуби Балатона.
И сквозь остатки сна,
и сквозь дождя бормотанье
я слышу их горький крик:
— При-пом-ни!
— При-пом-ни!
... И я вспоминаю дожди
нашей первой разлуки.
Горестные и счастливые,
шли они целый месяц
и размывали след,
что уводил от тебя.
Это было давно...
Один на один с непогодой
я шел по кромке Байкала
дождями пропитанный насквозь
(их даже одежда больше
в себя не могла впитать).
А я разговаривал с небом,
заглядывал в лица сопкам,
но выше, чем сопки и небо,
была тоска о тебе.
Тогда, за скалой притаившись,
я ловил запоздалые тучи
и с ними тебе посылал
стихи, как тайга, зеленые.
В них строки были корявы,
но сердце в стихах кричало:
— При-пом-ни!
— При-пом-ни!
— При-пом-ни!
И тучи летели к тебе,
и каждая капля дождя
падала каплею крика
на белый твой подоконник:
— При-пом-ни!
— При-пом-ни!
— При-пом-ни!
... Меня на рассвете будят
дикие голуби Балатона
И я надеваю плащ,
потрепанную болонью,

с прорехами от аварии,
ловко закрытыми скочем,
защитыми твоими руками,
и выхожу под дождь
тысячной нашей разлуки.
Иду по негулким улицам
венгерского городка.
(Его черепичные крыши –
точно кусочки рассвета,
его камышовые крыши –
точно кусочки полдня.)
Он говорит на мягком,
особенном языке,
похожем на этот дождь.
И он мне кричит
тревожно
устаami своих голубей:
– При-пом-ни!
– При-пом-ни!
– При-пом-ни!
О, счастливы будьте дожди,
парите, как сизые голуби,
крылами касаясь вершин,
дожди нашей первой разлуки
и тысячной нашей разлуки.
Оставьте нам солнце для встречи!
... Я вдруг просыпаюсь среди ночи
от крика.
– При-пом-ни!
– При-пом-ни!
И я растворяю окно –
но в мире стоит тишина.
И только в сердце моем
дикие голуби Балатона
все кричат,
все кричат:
– При-пом-ни!

Его позывные «Байкал»

Когда долетел байконуровский шквал
в январские белые чащи,
мне вдруг показался не морем Байкал,
а синей ракетой летящей.
И выдули солнце из сопок ветра,
качнулась тайга после взлета,
и вдруг полыхнула моя Ангара,
как огненный след звездолета.
И вот – оторвался от леса, от скал,
в пространство межзвездное хлынув,
и вот на орбиту выводит «Байкал»
земляк-звездолетчик Воынов.

Ему позывные даны неспроста:
давно уже символом стала
и сила,
и вечность,
и чистота
священного моря – Байкала.

Золотое слово

Байкальский лес потребовал:
- Пароль!?
- Любовь! – сказал я.
Это слово ждали.
Листва прошелестела мне:
- Изволь...
И предо мною распахнулись дали.

И облаков косматый серый фронт,
что только что забрал в полон осинник,
внезапно отошел за горизонт,
и небо стало откровенно синим.
И сквозь вовсю кипевшую весну,
ольховый праздник, выплески багула,
я вдруг увидел белую страну,
что за Байкалом горы распахнула.

И горы мне промолвили:
- Пароль?
- Любовь! – сказал я.
Замерли лавины,
и два хребта промолвили:
- Изволь!
И распахнули вдалеке долины.
И растворенный в счастье и беде,
пред чарами сумею ль устоять я?
И, как Христос, пошел я по воде
В распахнутые белые объятия.

Колдовские превращения воды.
От моторки золотая полоса.
Облака как самолетные следы,
непривычно расчертили небеса.

И Байкал не говорлив, не языкат,
и прилив не развлекается, звеня.
Постепенно опускается закат,
точно чайка, за плечами у меня.

И хребтов в оцепененье синий щит,
даже птичьи песнопенья не слышны...
Словно дикий зверь, автобус прорычит,

и затихнет, застеснявшись тишины.

И стою я у Байкала, не дыша,
весь пронизанный его голубизной,
и блаженно заполняется душа
этой вечной и святою тишиной.

Неспокоен Байкал, беспокойно,
ветра нет, и царит тишина,
но уставшая быть на приколе
в дикий берег стучится волна.
– Отпустите, – шумит, –

отпустите,
дайте волю, верните простор,
здесь когда-то лежали пустыни,
лес другой был и не было гор.
Я вольготно гуляла по миру,
птеродактиль парил вдалеке,
и лениво резвились тапиры
на горячем прибрежном песке.
Все хранит моя зыбкая память,
хоть столетья плотны, как туман,
надоело вздыматься и падать, –
отпустите меня в океан!
... Напряглось серебристое тело,
оторвалось от вод и земли,
светлым облаком в небо
взлетело, –
океан встрепенулся вдали.

Ночной лов

Баргузин зовется ветром смелых –
на руку погодка рыболовам,
после баргузина (есть примета)
каждый возвращается с уловом.

Вот канат к вертушкам привязали,
оттолкнулись. И с прибоем споря,
с бодрой песней весла повернули
и ушли вперед – в ночное море.

Мы гребли одним веслом с рыбачкой –
девушкой решительной и смелой.
Я веслом ворочал неуклюже
и сбивался с ритма то и дело.

Мы травили невод постепенно.
Вдруг привстали парни на баркасе.
– Эй, Ходи! – вскричали дружным
хором

в двадцать два довольных зычных баса.

Заходили лошади на стане —
вмиг канат вертушка натянула.
— А теперь сильнее жми на весла, —
бойкая соседка мне шепнула.

Бригадирской подчинясь команде,
мы на весла жали что есть силы,
и тогда баркас причалил к тони, —
в неводе вода заколесила.

А вдали уже заря алела,
вспыхнул известняк на косогоре —
это мы искрящееся солнце
вытащили неводом из моря.

Опять всю гальку перебрал прибой...
Что ищешь ты, Байкал, на каждой отмели?
Иль горько пошутили над тобой?
Иль потерял ты что? Иль что-то отняли?
Пусть волны немые — в каждой спрятан крик.
Их гонит боль, едва сойдутся с кручами.
Ты, может, ищешь молодость, старик?
У молодости руки-ноги скручены.
Она далеко, нет путей назад,
гиганты горы в гальку перемолоты,
и время, как невидимый канат,
тугой петлей свою связало молодость.
Вернуть назад с тобой мы не вольны
и мелочишки — той, что годы отняли.
...Коснулись сердца щупальца волны.
Что ищешь ты, Байкал, на этой отмели?

Песня

Байкал, ты ведь знаешь, о ком я грущу.
(О, это нелегкая повесть!)

Я восемь валов пропущу, пропущу,
я валом девятым умоюсь.

И стану я камнем глубинного дна,
впитавшим студеную просинь.

И пусть меня кверху поднимет волна
и молча ей под ноги бросит.

Байкал, ты ведь знаешь, о ком я грущу.
Скажи мне, что делать с собою?

Я восемь ветров пропущу, пропущу,
и встречусь я с бурей — сармою.

И стану я чайкой над черной волной,
взметнусь среди грома и вспышек.

И пусть она тайно любит меня мной,

и крик мой восторженный слышит.
Байкал, ты ведь знаешь, о ком я грущу.
Скажи: как увидеться с нею?
Я восемь ночей пропущу, пропущу,
я выберу ночь потемнее.
И стану звездой, чтоб висеть у окна,
и, горькую чуя истому,
светить ей в пути, если даже она
идет на свиданье к другому.

Прибой

Я слышу посвист отдаленный,
я слышу вал тихоголосый,
как будто там,
на дне зеленом,
все косит кто-то травы,
косит,
все ходит мягко и степенно
в подводном сумрачном лугу.
И горы,
словно копны сена,
стоят на прямом берегу.

Следы

Вода залижет все,
и все она замост...
Так почему же я
узрел издалика,
как от портовых дамб
полоскою прямою
в Байкал уходит след
трудаги-катерка?

Уже он вдалеке
кричит, как ранний кочет,
запутался в седой
байкальской бороде,
а след его лежит
и пропадать не хочет, —
бортами и винтом
начертан на воде.

Пылают огоньки —
воды и солнца дети,
чеканкою легла
на всем просторе рябь,
но темной полосой
в легкогорящем свете
лежит полудуга,
там, где прошел корабль.

Уже за катерком
ушел он в даль морскую,
он сам уже давно
в просторе растворен,
а след его лежит,
лежит — и ни в какую!
И весь его маршрут
на блеске повторен.
Ты только присмотришь,
и на рассвете бледном
в тумане виден след
вчерашнего костра.
И в небе самолет
летает не бесследно —
мелькнул он и исчез,
а в воздухе — дыра.

Читай, читай, следы
их боль неутолима,
читай, покуда юн
и на закате дня:
Весь белый свет лежит
открыто и ранимо,
и верует в тебя,
и верует в меня.

Слюдянка. Ночь

Уже берега не пестры,
и темны байкальские воды.
Как будто ночные костры,
видны вдалеке пароходы.
Кивни благосклонной звезде,
скажи неразменное слово —
и можешь идти по воде
к огням в половине второго.
Спеши, ибо часиков в пять
растает пора наваждений,
и проблески солнца опять
взойдут среди гор и селений,
и в небе растает звезда,
и тезе придет антитеза:
и станет водою — вода,
и станет железом — железо.

Странными хитросплетеньями
тропок, ветвей, облаков,

пятнами солнца и тенями,
эхом лесных уголков,

ветрами теплыми, вольными
снова меня обласкал,
обнял волнами и волнами
странный кудесник – Байкал.

Жидкий огонь его плавится,
нерпы ныряют, дразня
тех, кто хотел бы прославиться,
что не боится огня.

Облака отсвет нетающий
падает робко за мной
в этот зовущий, пугающий,
в этот огонь ледяной.

Тепло

Ночью был у Байкала озноб,
метался старик всю ночь.
Утром солнце пощупало влажный лоб –
решило другу помочь.
Солнце пришло к нему из-за туч –
и стал он тише пруда.
И там,
где к воде прикасался луч,
вспыхивала звезда.

И, значит, уже не бывать беде,
и, значит, ненастье ушло...
Не только людям,
даже воде
необходимо
тепло.

Тучи лилового цвета
спрятали солнце вдали,
теплые полосы света
не достают до земли.

Вот уже, кажется, рядом
вспыхнут в Байкале, рябя...
так я ни словом, ни взглядом
не дотянусь до тебя.

Уже в небесах кружевницы
свой тихий узор навели –
там скоро зажгутся зарницы

и грозы коснутся земли.
Узор скомпанован неплотно
и тронут игрою ветров,
как будто на нежных полотнах
старинных скупых мастеров.

Но дерзко и яро, и броско
от нежности этой святой
Байкал отделен не полоской,
а всей синевою крутой.
Небесным огнем разрисован,
ордою притоков впоен,
прибоями исполосован,
подспудною силой взбугрен,

он – гений, он – дерзкая личность,
сибирский сорвиголова,
ему так чужда анемичность,
ему не нужны кружева.
Он лодку мою величаво
качает, как сизый листок,
и ярко горящая лава
летит изверженьем в исток.

Чем выше в гору – тем Байкал видней.
Вдали вода прозрачность потеряла
и кажется мерцанием металла,
что выплавлен из наших дум и дней.

Чем выше в гору – тем видней окрест,
всю суетливость погасили воды,
возник мираж простора и свободы,
как испытанье, как особый жест.

Душа, трудись, душа, ищи ответ, –
уступы круты, кислород разрежен, –
но если мы наросты не разрежем –
то счастья нет нам и спасенья нет.

Чем выше в гору – тем все реже лес.
И глаз с тебя природа не спускает,
и чистота святая возникает
от близости Байкала и небес.

Что происходит с миром,
что с ним сегодня стало? –
Бился Байкал о скалы –
и не видать Байкала:
берег застыл тревожно
в оцепененье замер –

море ушло из моря,
став твоими глазами.
Горы поникли в горе,
опустели откосы:
лес убежал из леса
и обратился в косы.
Поле ушло из поля,
ночь убежала из ночи,
сердце ушло из сердца
и возвращаться не хочет.